

- Старшая сестра, будь осторожна.

Наложница Нин, в одно мгновение потеряв бдительность, неосторожно задела винный кубок, и густое вино с громким плеском разлилось по полу. Наследный принц к этому моменту уже покинул свое место, оставив после себя лишь смутный, едва уловимый силуэт. Со всех сторон на них тут же устремились любопытные и осуждающие взгляды. Наложница Нин успела заметить предостерегающий, холодный взгляд вдовствующей императрицы Сюй, а затем увидела, как наследный принц подошел к императрице Сюй, чтобы поднести ей чай. В этот миг от паники её пальцы окончательно похолодели.

Наследный принц совершенно не обращал внимания на наложницу Нин, оставшуюся позади. Стоило ему приблизиться к императрице Сюй, как он уловил её укоризненный взгляд и, невольно смутившись, понизил голос:

- Матушка.

Изящные, тонкие пальцы императрицы Сюй на мгновение замерли на чашке. Увидев, что наследный принц хочет что-то сказать, но медлит, не решаясь, она медленно поставила чай на стол:

- Что касается подарка к юбилею, - произнесла она, - тебе совершенно не следовало действовать столь самовольно.

Заметив, что выражение лица сына осталось прежним и в нем нет ни капли истинного раскаяния, императрица Сюй тихо вздохнула и едва заметно покачала головой. Она видела, как наследный принц то и дело бросает жадные, полные зависти взгляды в сторону столов, где в центре всеобщего внимания и восхищения восседал шестой принц, чья слава в этот вечер уже окончательно затмила славу наследника. Её прежнее восхищение Ин Фушэном постепенно угасало, но, глядя на растерянного родного сына, она тихо и мягко произнесла:

- Матушка уже говорила тебе: никто и ничто не станет для тебя преградой.

Наследный принц замер, затаив дыхание:

- Матушка...

Раз уж дело зашло так далеко, императрица Сюй ласково положила руку на его ладонь и напомнила:

- Если твой дед что-то скажет, не принимай это слишком близко к сердцу.

Услышав о деду, наследный принц заметно напрягся, его плечи окаменели, и он проследил за взглядом императрицы Сюй.

За столом, где расположились гражданские чиновники, один пожилой старец медленно помешивал вино в своей чашке, бросая в сторону внука холодный, оценивающий взгляд издали.

Наследный принц прекрасно понимал, что сегодняшний вечер, возможно, уже вызвал серьезное недовольство деда. И даже если матушка сейчас молчала, она наверняка была глубоко разочарована его поступком.

Он невольно сжал ткань рукавов, и в его памяти вновь, словно наяву, возникла картина: Ин Фушэн преподносит картину, а весь зал взрывается искренним восхищением.

В павильоне Любования Луной всё так же звучала музыка. Ин Фушэн беззвучно отвел взгляд, больше не глядя в сторону императрицы Сюй.

Ему не нужно было гадать или строить догадки: увидев статую нефритового зверя, он сразу понял, что наследный принц самовольно заменил подарки местами.

В прошлой жизни наследный принц блистал на этом банкете именно благодаря двум подаркам.

Если бы этой замены не произошло, «Картина десяти тысяч скакунов» в конечном итоге стала бы тем самым инструментом, который семья Сюй использовала бы для продвижения своих интересов, искусно восхваляя императора У и его полководцев. Юный наследник престола, стоя перед лицом всех высокопоставленных чиновников Поднебесной, преподнес бы эту картину в дар императору и военачальникам. Если Ин Фушэн правильно помнил, среди подарков, тщательно подготовленных императрицей Сюй для наследного принца, должна была быть еще одна картина, которая идеально дополняла «Картину десяти тысяч скакунов», позволяя наследнику произвести глубокое и неизгладимое впечатление на всех присутствующих военачальников.

Она всегда была такой: всё, что касалось её сына, она готовила тщательно, продумывая каждую деталь до безупречности.

Наследнику явно не нужно было ломать голову или проявлять инициативу, но он умудрился разыграть столь хорошую партию настолько бездарно.

Ин Фушэн вдруг почувствовал, что эта сцена, пропитанная фальшивым теплом, буквально режет глаза.

- Ваше Высочество, ручная грелка остыла? - вкрадчиво спросил прислуживающий рядом евнух Сунъань.

Ин Фушэн пришел в себя и лишь тогда осознал, что грелка, подаренная императрицей Сюй, уже стала совсем холодной. Он продолжал держать её в руках, машинально поглаживая искусные узоры на поверхности, но ничего не ответил. Лишь молча спрятал озябшие руки в широкие рукава. Когда он крепко сжал их, острая, колющая боль в кончиках пальцев окончательно вернула его к реальности.

В павильоне продолжали танцевать и пировать, гражданские и военные чиновники с энтузиазмом обменивались тостами, но в одном месте за столами было на удивление тихо.

Гражданские чиновники не смели приближаться, а военачальники, напротив, в полной мере наслаждались своей свободой.

- Не ожидал, что этот человек по фамилии Нин окажется настолько скрытным, - проговорил один из военачальников, с нескрываемым интересом глядя на триумф чиновника Нин. - Семья Сюй еще не успела в полной мере проявить себя, а они, семья Нин, уже с таким блеском вышли на свет.

- На банкетах всегда так, - проворчал один из них. - Какое тебе дело до этих интриг? Храм воинов - это, конечно, дело хорошее, но всё остальное... Вот если бы нам просто выдали жалование побольше, тогда бы я сказал, что это действительно стоящее дело.

- Цыц, - раздался тихий, но властный окрик.

Военачальники тут же отвели свои любопытные взгляды и синхронно посмотрели на генерала Ци Шэня, возглавлявшего их стол. Генерал Ци Шэнь оставался неподвижен, словно величественная гора; даже услышав дерзкий разговор своих подчиненных, он не шевельнул ни единым мускулом. Решения императора были не тем, что простые солдаты или даже офицеры могли позволить себе обсуждать вслух.

За столом семьи Ци, после этого короткого, но емкого замечания Ци Шэня, ни один из военачальников больше не посмел возразить или даже вставить слово.

Рядом с генералом сидел юноша, который с самого начала банкета почти не проронил ни слова, храня полное молчание. Он слегка опустил веки, с легким равнодушием наблюдая за суетой шумного зала.

- Семья Нин действительно странная, - негромко произнес он.

На вид юноше было около четырнадцати лет. Он казался почти чужеродным элементом среди окружающей его избыточной роскоши: его спина была идеально прямой, словно ствол вековой сосны. Он сидел по правую руку от генерала Ци Шэня, и вокруг него, как и вокруг всей группы воинов семьи Ци, словно пролегла невидимая, но ощутимая граница. Никто из присутствующих военачальников, несмотря на свой чин, не смел смотреть на него свысока. Его взгляд разительно отличался от взглядов остальных: он не проявлял особого интереса к чиновнику Нин, вместо этого его внимание было полностью приковано к тому самому принцу. В глубине его темных глаз читалась холодная оценка и глубокая пытливость, словно он наблюдал за чем-то по-настоящему особенным и редким.

- Ханьчжоу, - негромко позвал Ци Шэнь.

- Отец, он умный человек, - ответил юноша.

- Императорский дом не растит слабых, - отрезал Ци Шэнь.

Юноша продолжал сидеть с безупречно прямой спиной, и его внимательный, пронизывающий взгляд скользнул по императрице Сюй и наследному принцу, которые в этот момент держались с подчеркнутым, почти искусственным невозмутимым спокойствием. Контраст между семьей Нин и семьей Сюй в этот миг стал более чем очевиден. Но даже несмотря на это, он бросил подозрительный взгляд на заметно обеспокоенную наложницу Нин, почувствовав в её поведении некую странность, которая не укладывалась в общую картину.

Неужели семья Нин все эти годы намеренно таилась в тени, чтобы проявить себя именно сейчас? Скорее всего, дело было в том, что сам человек, стоявший вдалеке, казался совершенно иным, не соответствующим своему происхождению. Его подарок уже вызвал всеобщее, почти экстатическое восхищение, сам император лично отметил его мастерство, а заслуженные награды уже были пожалованы. Однако на этом с виду застенчивом и тихом лице не было ни капли радости или торжества - оно оставалось пугающе спокойным, подобно глади стоячей воды, в которой не отражалось ни единого всплеска эмоций.

Словно всех этих щедрых похвал и общественного признания было недостаточно, чтобы утолить те скрытые амбиции, что тлели в самой глубине его пронизывающих глаз.

Возможно, интуитивно почувствовав на себе этот едва уловимый, но тяжелый взгляд, Ин

Фушэн внезапно замер на месте.

Медленно подняв голову, он посмотрел вдаль, туда, где за столом семьи Ци царила гнетущая, почти осязаемая тишина. Он внимательно обвел взглядом присутствующих, пока наконец не встретился с кем-то глазами.

Взгляд юноши, не сдерживаемый ни приличиями, ни придворным этикетом, был пугающе острым, словно отточенное лезвие ножа. На его молодом лице не осталось и тени детской наивности или мягкости; напротив, в самой глубине зрачков таилась такая первобытная свирепость, что Ин Фушэну на одно краткое мгновение показалось, будто на него смотрит не человек, а хищная птица, заметившая свою добычу.

Спустя примерно три секунды юноша так же внезапно отвел взгляд. Холодная, давящая аура мгновенно рассеялась, и это пронизывающее до костей ощущение исчезло так быстро, будто его никогда и не существовало.

- Он заметил меня, - едва слышно прошептал Ин Фушэн.

Сунъань, внезапно охваченный необъяснимой, липкой тревогой, поспешно проследил за взглядом своего господина и увидел вдалеке величественную, крепкую фигуру, которая возвышалась над остальными:

- Вы имеете в виду того самого генерала, что покоряет Север? - осторожно уточнил Сунъань.

Ин Фушэн ничего не ответил, лишь медленно и равнодушно стряхнул невидимые пылинки со своего роскошного придворного халата. Его взгляд, теперь опущенный вниз, стал совершенно непроницаемым, надежно скрывая все мысли и чувства от окружающих.

Постепенно приходя в себя, он с усилием отогнал навязчивые воспоминания из своего далекого, полного боли прошлого, и выражение его лица вновь стало привычным, бесстрастным и спокойным.

- Это ничего, - тихо произнес он.

Когда глубокой ночью торжественный банкет наконец подошел к концу, наложницы, утомленные строгим этикетом, начали возвращаться в свои дворцы.

Наложница Нин, которая весь вечер из последних сил сдерживала свое растущее раздражение и гнев, едва дождалась подходящего момента, чтобы немедленно отправить своих людей на поиски Ин Фушэна. С самого начала банкета за каждым их движением следило слишком много подозрительных и оценивающих глаз, и стоило ей совершить даже малейшую, самую незначительную ошибку, как вдовствующая императрица Сяо тут же делала ей холодное и едкое замечание. В такой обстановке она не смела действовать опрометчиво, опасаясь вызвать еще большее недовольство старшей в роду. Но теперь, когда всё закончилось и она наконец оказалась в безопасности своих покоев, она была твердо намерена выяснить, кто именно надоумил этого неблагодарного ублюдка Ин Фушэна преподнести столь вызывающий и удачный подарок.

- Ты хочешь сказать, что так и не нашла его?! - наложница Нин, услышав доклад Бичжу, едва сдержала яростный крик, и её голос от гнева почти сорвался на визг.

Бичжу, охваченная тревогой, бросилась на поиски сразу же, как только торжественный банкет был официально объявлен оконченным, однако шестого принца на его прежнем месте уже не оказалось.

- Возможно, он куда-то ушел, - в отчаянии пробормотала она. - Я немедленно отправлюсь на поиски снова!

Гости медленно расходились, и по дворцовым аллеям сновали многочисленные слуги и придворные. Ин Фушэн, желая избежать ненужных встреч, намеренно выбрал длинный, обходной путь.

Ночной ветер становился всё холоднее, пробирая до самых костей. Хотя банкет формально еще не завершился, наложница Нин уже сгорала от нетерпения, желая отправить людей, чтобы силой забрать его в свои покои. Впрочем, учитывая её вспыльчивый и властный характер, то, что она сумела сдержаться до самого конца торжества, уже было пределом её возможностей. Наследный принц сегодня совершенно не блистал, и наложница Нин, будучи его родной матерью, не могла не нервничать, чувствуя, как ускользает их преимущество.

Вдалеке уже скрылась величественная свита императрицы Сяо.

Ин Фушэн молча наблюдал за этим, когда внезапно перед ним возник другой силуэт.

Тетушка Юй, верная приближенная вдовствующей императрицы Сяо, терпеливо ждала его у самого выхода из павильона Любования Луной. Рядом с ней, словно тени, замерли двое слуг. Заметив приближающегося Ин Фушэна, она сделала шаг навстречу и мягко произнесла:

- Вдовствующая императрица Сяо заметила еще в павильоне, что ваше самочувствие оставляет желать лучшего, и вы выглядите весьма неважно.

Ин Фушэн уловил в глазах Сунъяня тень глубокой обеспокоенности и лишь в этот миг осознал, что его тело облило холодным потом. Из самых глубин измученного организма накатывали изнуряющие волны жара, которые тут же сменялись леденящим холодом. Даже несмотря на то, что в последнее время он с предельной тщательностью заботился о своем здоровье, истощенный годами страданий и ядов организм не выдержал нагрузки: после того как он провел добрую половину вечера на пронизывающем ветру в павильоне Любования Луной, старая болезнь вернулась с новой, беспощадной силой.

- Императорский лекарь уже ожидает вашего прибытия во дворце Милосердного Спокойствия,
- добавила тетушка Юй.

Когда Ин Фушэн, преодолевая слабость, наконец добрался до дворца Милосердного Спокойствия, личный лекарь вдовствующей императрицы уже находился на месте, готовый к осмотру.

Ин Фушэн уже собирался склониться в глубоком поклоне, но вдовствующая императрица Сяо опередила его, строго спросив:

- Почему ты не сообщил слугам в тот самый миг, когда у тебя поднялся жар?

Ин Фушэн замер, застигнутый врасплох. Он совершенно не ожидал, что вдовствующая императрица задаст столь прямой вопрос, и не сразу сумел подобрать подходящий ответ.

Вдовствующая императрица Сяо внимательно, изучающе посмотрела на него, а затем коротким жестом руки подозвала лекаря.

На банкете он всё время виртуозно играл свою роль, точно зная, какой вид нужно принять, чтобы усыпить бдительность своих многочисленных врагов. Он так долго и искусно носил эту маску бесстрастия, что, когда окончательно пришел в себя, лекарь уже успел взять его за запястье, чтобы проверить пульс.

В главном зале дворца Милосердного Спокойствия витал тонкий, успокаивающий аромат сандала. Пока лекарь сосредоточенно осматривал его, вдовствующая императрица оставалась

совсем рядом. То величие и властность, которые она излучала на банкете, еще не рассеялись, а на её обычно бесстрастном, словно высеченном из камня лице застыло глубокое спокойствие. Лишь когда лекарь начал переговариваться с тетушкой Юй, она внимательно прислушивалась к их словам, и её тонкие пальцы, мерно перебирающие четки, то внезапно замирали, то вновь продолжали свое движение.

- Ночной ветер сегодня особенно силен, а ты даже не догадался одеться теплее, - вдовствующая императрица Сяо слегка приподняла веки, глядя на него с легким укором.

Ин Фушэн на мгновение помедлил, а затем тут же покорно признал свою вину:

- Ваш внук в следующий раз будет гораздо осторожнее.

Вдовствующая императрица больше ничего не сказала.

Ин Фушэн молча смотрел на неё, пока она сидела рядом. На её тщательно ухоженном, благородном лице уже отчетливо пролегли глубокие следы старости. Даже сейчас, когда лекарь что-то увлеченно объяснял, она лишь равнодушно слушала, и казалось, словно её недавний упрек был всего лишь плодом его воображения, а не реальностью.

- Тело Вашего Высочества крайне истощено, поэтому любая, даже самая легкая простуда может стать смертельно опасной, - лекарь, который в последнее время часто осматривал Ин Фушэна, уже был прекрасно осведомлен о его плачевном физическом состоянии. - Сейчас требуется самое тщательное и системное лечение.

- Выпиши ему несколько сильных укрепляющих рецептов, - вдовствующая императрица Сяо коротко кивнула и обратилась к тетушке Юй: - Растопите в боковом зале как можно больше печей, чтобы он окончательно не простудился. Время уже позднее, проводите шестого принца отдыхать.

Ин Фушэн еще не успел произнести ни слова, как вдовствующая императрица уже всё устроила. Она всегда действовала решительно и стремительно. Отдав все необходимые распоряжения, она медленно подняла руку, и тетушка Юй тут же подошла, чтобы поддержать её под локоть - императрица собиралась отправиться на покой.

- Ваше Высочество, - почтительно напомнил слуга.

Ин Фушэн склонился в поклоне и послушно последовал за слугами.

Проводив долгим взглядом удаляющегося Ин Фушэна, тетушка Юй плотно закрыла окно, чтобы отсесть ночной холод, и тихо произнесла:

- Люди наложницы Нин уже приходили с расспросами, но я, следуя вашему повелению, ответила им отказом, - почтительно доложила тетушка Юй. - Желаете ли вы, чтобы я что-то объяснила наложнице Нин?

Вдовствующая императрица Сяо прикрыла глаза, погружаясь в легкий отдых, и её тонкие пальцы, мерно перебиравшие четки, медленно остановились.

- Ты заметила, как сильно побледнело его лицо, - тихо произнесла она, не открывая глаз. - А наложница Нин этого даже не увидела. В кого же она превратила такого способного и доброго принца?

Тетушка Юй на мгновение замолчала, склонив голову. Прослужив у вдовствующей императрицы Сяо многие годы, она прекрасно понимала истинный смысл этих слов. Вдовствующая императрица всегда ценила покой и к своим внукам - всем принцам и принцессам - относилась с внешней беспристрастностью, никогда не выказывая явных предпочтений. То, что шестой принц остался ночевать во дворце Милосердного Спокойствия, на первый взгляд казалось исключением из правил, но на самом деле, если бы любой другой принц внезапно заболел, она с точностью до мелочей организовала бы его лечение точно так же.

Однако в последнее время шестой принц каждое утро и каждый вечер неизменно приходил к ней, чтобы засвидетельствовать своё почтение. Вдовствующая императрица Сяо внешне не подавала виду, сохраняя привычную маску равнодушия, но она замечала всё, особенно в отношении того подарка, который был подготовлен шестым принцем. В стенах дворца Милосердного Спокойствия у неё были глаза и уши повсюду, и она лучше всех в этом дворце знала, был ли он искренен в своих порывах или же просто искусно играл роль.

Тот факт, что наложница Нин совершенно не умеет воспитывать принцев, стал для вдовствующей императрицы Сяо неоспоримой и прискорбной истиной.

- Ваша служанка всё поняла, - тихо ответила тетушка Юй.

Глубокой ночью во дворце Милосердного Спокойствия воцарилась абсолютная, почти торжественная тишина. Когда Ин Фушэн вернулся в отведенный ему боковой зал, его окутало мягкое, обволакивающее тепло.

Всё было устроено в точности так, как велела вдовствующая императрица Сяо.

Сунъань, который всё это время сопровождал принца во дворец Милосердного Спокойствия, не мог не заметить, что слуги здесь исполняют свои обязанности гораздо более усердно, внимательно и тактично, чем во дворце Бесконечной Радости. Он хотел что-то сказать своему господину, но, подняв голову, увидел, что тот, кажется, полностью погрузился в свои раздумья, отрешенно глядя на тлеющие угли в угольной печи.

- Тетушка Юй упомянула, что для вас принесли самый лучший, отборный уголь, - негромко сообщил слуга, стараясь не нарушить тишину.

Ин Фушэн медленно повернул голову. На столе стояло несколько изысканных чернильниц, которые прислала вдовствующая императрица Сяо. Дорогие сосуды были открыты, источая тонкий аромат. Ин Фушэн опустил взгляд. Его пальцы коснулись мягкого постельного белья, которое всё еще хранило приятное тепло - было очевидно, что его тщательно прогрели грелкой, и это тепло всё еще не успело уйти.

- Ваше Высочество, вдовствующая императрица Сяо проявляет к вам истинную доброту, - с искренним восхищением произнес Сунъань.

«Добра?» - Ин Фушэн внутренне содрогнулся, не совсем понимая смысл этого слова в контексте дворцовых интриг.

Слуги действительно старались безукоризненно исполнить все распоряжения вдовствующей императрицы, но, зная её сложный и властный характер, он понимал: она не стала бы проявлять особую, неоправданную благосклонность ни к одному из принцев просто так. Однако всё, что происходило этой ночью, неоспоримо доказывало её расположение: она могла бы просто отправить лекаря во дворец Бесконечной Радости, чтобы тот оказал помощь, а не оставлять его здесь, в своих покоях.

Неужели она что-то заподозрила в его поведении?

На банкете он вел себя слишком вызывающе, слишком ярко, и многие влиятельные люди невольно обратили на него внимание.

Его поступок на юбилее действительно был крайне рискованным, почти безрассудным, но у него просто не оставалось иного шанса. Только таким радикальным способом он мог заставить семью Нин и самого себя - принца, привыкшего жить на задворках дворца, - выйти на свет и предстать перед глазами сильных мира сего. Если бы он просто вернулся во дворец Бесконечной Радости, а наложница Нин запомнила бы этот инцидент в павильоне Любования Луной, то, учитывая её жестокость и мстительность, неизвестно, смог бы он когда-нибудь снова найти подобную возможность.

Он всё еще был слишком молод и ограничен в своих возможностях, а единственным человеком, способным эффективно сдерживать наложницу Нин, была вдовствующая императрица Сяо. Ин Фушэн изначально планировал использовать вдовствующую императрицу в своих целях, собираясь после банкета всеми правдами и неправдами найти повод остаться во дворце Милосердного Спокойствия. Лицо и правила – вещи, которыми можно пренебречь, когда они становятся помехой, но он даже не успел ничего предпринять, как вдовствующая императрица сама позволила ему остаться.

Чем больше он анализировал ситуацию, тем сильнее начинала ныть голова. Странное, почти нехарактерное поведение вдовствующей императрицы ставило его в полный тупик. В прошлой жизни его так часто использовали, предавали и обманывали, что теперь, видя чью-то неожиданную доброту, он невольно искал в ней скрытый подвох.

Ин Фушэн, повинувшись внезапному порыву, впервые в жизни решительно распахнул окно.

Снаружи слуги уже удалились, оставив лишь двоих на ночном дежурстве, которые тихо переговаривались в конце коридора.

Ин Фушэн замер, вдыхая морозный воздух.

- Ваше Высочество, на улице очень холодно, – недоуменно спросил Сунъань, испугавшись за здоровье господина. – Что случилось?

Ин Фушэн медленно закрыл окно, и хаотичные мысли в его голове наконец начали рассеиваться.

- Ничего, – коротко ответил он.

Мягкое тепло дворца снова медленно окутало его, и холод, застрявший глубоко в костях, немного отступил.

Вдовствующая императрица Сяо не оставила здесь никаких явных соглядатаев – в этом зале было даже чище и спокойнее, чем во дворец Бесконечной Радости.

Казалось, что вся эта неожиданная забота была продиктована лишь одним... простым и искренним желанием помочь ему поправиться.

<http://bllate.org/book/18055/1731081>